

На узкой тропе

(К гастролем Калининского Государственного театра оперетты)

Можно долго и солидно спорить о путях оперетты, музыкальной комедии, указывать на несовершенство многих старых и новых либретто, можно с полным основанием осуждать некоторые ее театральные традиции, стоящие на грани штампа.

И все же...

...Занавес распахнулся. Из оркестра на сцену перебрасывается живое, легкое пламя заключительных звуков увертюры. В парадном кабаре, или на площадке городка, а может быть в замке эксцентричной Марицы начинается жизнь, положенная на музыку. Жизнь по особому заказу: печаль здесь недолговечна, разлука не серьезна, любовь всегда счастлива. Драматический узел? Да стоит ли так называть навьюченный и навьюченный разрешенный конфликт, лежащий в основе любой оперетты? Не этим она побеждает своего слушателя: острая и нежная прелесть музыкальной фразы, созданной Штраусом или Кальманом, танец, забавный как шутка, и шутка, пластичная, как пирует, смелая режиссерская выдумка — вот список очарований опереточного спектакля, если он поставлен и выполнен мастерами.

А мастером нужно быть сильным, ибо оперетта, — наиболее сложный из всех театральных жанров. Артист должен обладать хорошим вокальным материалом, данными для балета, для драмы. И, кроме того, всем строящимся

спектакль необходим тот «талант веселья», без которого мертворожденным окажется самый интересный диалог, ария, буффонада, танец. Таковы законы оперетты; в театре, где они стали живой основой работы, праздником будет каждый спектакль. К сожалению, законы эти, видимо, писаны не для всех.

Во Фрунзе проходят гастролы Калининского государственного театра оперетты. Художественного руководителя он совсем не имеет, а дирижеры столь мало квалифицированы, что пришлось «призвать» из Киргизского театра оперы и балета Р. Г. Мироновича, который и значится на афишах, как главный дирижер. Тем же порядком, из того же театра дирекция ангажировала группу музыкантов для пополнения своего маломощного оркестра.

Промозженные спектакли убеждают, что творческий коллектив театра, слабый по своему составу, движется «без руля и без ветрил». Отсюда все качества.

Первое, что поражает, — это распределение ролей. Совершенно неопытно, чем руководствуется здесь постановщик. Невольно припоминается персонаж у Марка Твена, который не умел отличить, по собственному припаданию, банановой рожи от кенгуру. Почитать про это только смешно, а видеть и слышать, скажем, Одетту де Ри-

мон или Марицу в исполнении т. Писаренко, артистки лишенной всякой артистичности, очень грустно. Такими же освобожденными от всех свойств, необходимых опереточному актеру, предстают перед зрителями тт. Любямов, Сергеев, Белопоповский, Петручи, играющие первые роли. Вопетну, как говаривала графиня в «Ликовой даме», они «ни танцовать, ни петь не знают». Можно добавить: а также произносить слова, двигаться по сцене, носить костюм.

Сценическая внешность? Вместо смуглого, страстного Раджами, загадочного принца из Индии, по сцене ковыляет упитанный, самодовольный рантье. Он только что, повидимому, выкупался и повязал голову полотенцем. Не видели мы в «Ярмарке невест» озорного, красного ковбоя Тома Мигльса, не видели в «Сильве» изящного Эдвина Волапоу.

Не будем останавливаться на игре известного опереточного актера Новицкого: ведь он не принадлежит к основному составу театра, являясь «гастролером у гастролеров».

Актеры на вторых ролях, статисты — скучная толпа совершенно беспомощных на сцене людей, непереносимых в театральном зрелище.

По мере сил своих выносят тонущий

спектакль на поверхность артисты настоящего опереточного огонька — Шигер, Крыжановский, Карташева.

Смотришь на Стасси (Шигер) и верится, что ей действительно радостно петь, танцевать, смеяться над Бони. В каждом движении актрисы (иногда, правда, черезчур резком) есть и жизнь и хорошая театральность. Крыжановскому приходится чаще всего играть «милых бездельников» и, конечно, его Наполеон, Боб, Бони — близнецы. Но все они поданы в мягкой прощипной манере, и не грешат вульгарной развязностью. В балете т. Крыжановский очень пластичен, небольшим голосом управлять умеет. Безусловно талантлива артистка Карташева, играющая с подлинным опереточным блеском.

Опытный художественный руководитель, конечно, научил бы эту сподобную молодежь искать новое, избегать стандартных приемов, расширять свой творческий диапазон. Но и на том спасибо: по крайней мере, здесь все было весело, занятно, а порой эффектно. Как в этом пуждается каждая постановка в целом, вплоть до бутафории и декораций. Ведь замок, похожий на банно-прачечное заведение, или убогая «восточная нега» в апартаментах принца Лагоры так же угнетают, как истязание прекрасной музыки безголовыми певцами, как вульгарная пляска Черемушкиной или знаменитое «рассосется». Все это вещи — одного порядка, так как из них строится театральное впечатление. Трудно его рассеять.

В театре есть талантливые люди — кроме уже названных хочется вспомнить об Исаеве, исполнявшем пегриятский танец, о балерине Максимовой, артистке Лебедевой (комическая старуха). По чем же театр будет жить дальше? Как ему расти, если некому правильно расставить силы, развивать дарованье артиста, его художественный вкус? С чем он, призванный быть носителем театральной культуры, идет к своему зрителю?

В одном из спектаклей всем бросилась в глаза колоссальных размеров черная роза, изображенная на стене. Бескусное ремесленничество Калининского театра так же далеко от праздничного искусства оперетты, как этот неуклюжий цветок от блоковской черной розы «в бокале золотого, как небо Ая». Одним словом, Калининский театр оперетты находится не на широкой дороге театрального искусства, а на узкой тропе!

Еще один вопрос, обращенный на этот раз к Киргизской государственной филармонии. Что побудило ее художественного руководителя т. Израилевича пригласить на гастролы труппу, заведомо слабую и плохо направленную? Не хочется предположить, что человек, возглавляющий художественную жизнь крупнейшего музыкального коллектива Киргизии, не сумел дать правильную оценку этому театру. Значит, остается одно: он не сумел дать правильную оценку нашему зрителю, который хочет видеть хорошие спектакли и культурно расти.

З. КРАШЕНИННИКОВА.

30 АВГ. 46

СОВЕТСКИЙ КИРИЛЛИК
Фрунзе